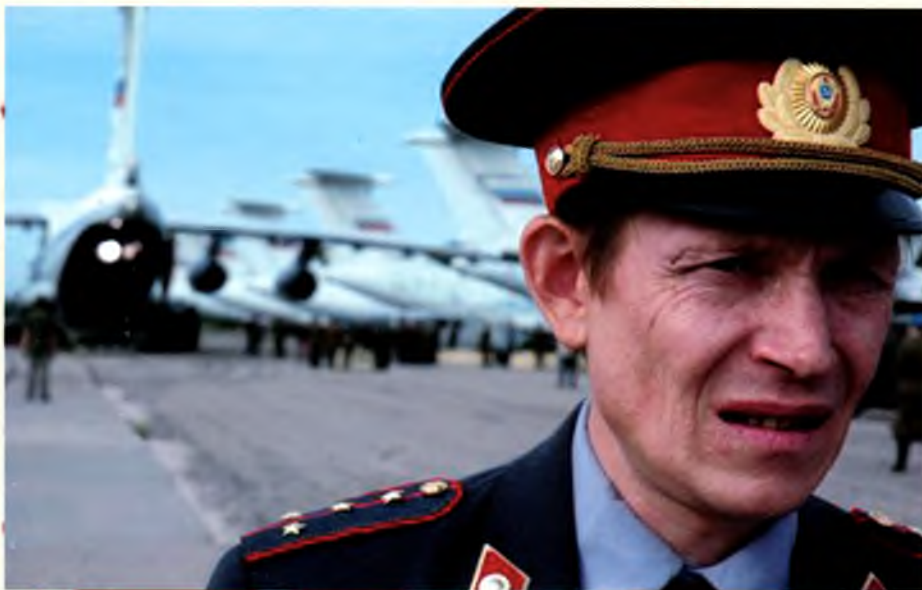

ЖЕСТЬ КАК ОНА ЕСТЬ

Алексей
Балабанов
снял в Череповце
то, что «детям
до 21» смотреть
воспрещается

Далеко не вся череповецкая массовка фильма Алексея Балабанова «Груз 200» смогла побывать на его премьере и посмотреть себя на экране. Картина вошла на экраны страны с беспрецедентным для современной России возрастным ограничением — до 21 года. А следовательно, детшкам из бутафорского пионеротряда выдуманного города Ленинска, не один десяток дублей и километров прошагавшим перед кинокамерами, до «Груза 200» нужно еще дорасти.

Судя по отзывам выходящих с премьерного показа, права доступа в кинозал следовало бы лишить людей с расшатанной нервной системой и склонных воплощать в жизнь увиденное на экране.

Компания «Грузовозов»

«Груз 200» в виде киноплёнки прибыл в Череповец из Москвы за день до первого сеанса в обыкновенном багажном вагоне. Весом этот «Груз» не более пары килограммов. Фильм не из тех, что запускаются одновременно на сотнях киноэкранов по всей стране. Число отпечатанных копий

низерное: каждая из них сожрётся до дыр, колёса по одной шестой части суши на манер цирковой труппы.

Увидят балабановские творение зрители сокола российских городов. Вымышленный Ленинск воплощали на плёнке Череповец, Гатчина и Выборг, но в последних двух картина прокатываться не будет вовсе.

Самостоятельная афиша на фронте не самого уважаемого череповецкого кинотеатра «Комсомолец» содержит две беспроектные приманки для зрителей: фильм снимался в Череповце и строго запрещен для показа по телевидению.

Действительно, запрещен. Долгие месяцы даже кинопрокатная судьба картины оставалась под большим вопросом. В итоге, побоявшись воплей о возрождении цензуры, Минкульт скрепя сердце прокат разрешил.

Натурная съемка

Череповчанин обязан посмотреть «Груз 200» как минимум дважды. Потому как на первом сеансе он просто не успеет

проследить за сюжетными перипетиями и испугаться, а будет наблюдать за отражением родного города в киноискусстве. Череповец на экране действительно очень много, хоть и работали здесь киношники, помнится, меньше недели. Однако почти все уличные сцены происходят в городе на Шекснэ. Металлургический завод играет окраину Ленинска, столовая одного из его цехов — прокуратуру Ленинска, Выборг — центр Ленинска, павильоны «Ленфильма» — внутреннее убранство квартир Ленинска.

— Смотри-смотри, это что, листопрокатный цех? А вот и доменное производство...

— Глаза разуй, какой листопрокатный? Известково-доломитный, вон и МАЗ со шлаком сзади ползет...

Типичный такой диалог.

В темном-темном городе

Но вернемся к нашему маньяку. Сценарий, который Балабанов впервые в жизни написал сам, много страниц, по всей видимости, не занял. В темном-темном городе

(череповецкий дым вместо облаков) царил темная-претемная эпоха (1984 год: перемены близки, но в провинции еще неощутимы). Темный-темный человек (милиционер Журов, которого не только непонятно как в органах держат, а и как вообще земля носит) схватил темную-темную (в смысле брюнетку) девицу, дочь секретаря райкома. Говорит, что любит, но при этом вытворяет с объектом страсти нечто очень далекое от романтики. Насилует горлышком бутылки, заставляет на его глазах вступать в связь с бомжем, привезенным из «обезьянника», приковывает наручниками к мотоциклу и кровати. После столь очевидных ухаживаний Журов несказанно удивляется, отчего красавица предпочитает визжать во все горло, а не отвечать взаимностью.

Жуткие, вызывающие приступы тошноты кадры следуют с частотой гоголевских лирических отступлений. Наблюдая эпизод, когда Журов извлекает мертвого десантника (вот он, «груз 200!»), возлюб-

ленного пленницы, из цинкового гроба и бросает к ней на кровать со словами: «Жених приехал», трудно не вздрогнуть. Будь хоть трижды смельчак.

Пугало для богемы

И все равно, животного первобытного ужаса, от которого покрывалась мурашками во время и писала кипятком после сеанса столичная богема, признаюсь, не ощутил. «Он пугает, а мне не страшно», — фыркнул в бороду, читая мистические повести Леонида Андреева, Лев Толстой, болтая при этом лаптями в воздухе.

Сам Алексей Балабанов неоднократно объяснял, что вовсе не ставил цели заставить зрителя поседеть от страха. Ужасать в «Грузе 200» должен не оскал маньяка, а сама атмосфера, в которой происходят события. Система ценностей советского человека, время, образ и условия его проживания. Обшарпанные стены. Обои в грязный цветочек, да и те висят клочьями. Потолок в желтых стручках и с вечным

побелочным «снегопадом». Туалет, где «ли назначению» используются не только унитаза и писсуары, но и раковины, углы и настенный кафель. Вот она — утроба, рождающая, по мысли сценариста и режиссера Балабанова, вурдалаков вроде Журова.

Вряд ли возможно, «золотая» столичная молодежь передернется судорогой омерзения и ощутит ужас первобытный. Я же, как и все, с кем делился впечатлениями, ловил себя на ностальгии. Песни группы «Кино», дискотека с убогой саунд-музыкой «в духе фонарика», курение «бычков» на крыльце — мы выросли в этой декорации. И в спектре разнообразных воспоминаний и чувств, которые она до сих пор вызывает, не затесалось и толики страха.

Смерть под «Песняры»

«Стамбул — город контрастов» — известно из кинематографа. В балабановском Ленинске тоже контраст на контрасте. К примеру, сгружают с самолета цинковые гробы афганцев, а что звучит фоном? Скажете, похоронный марш? Как бы не так — добрая прозрачная композиция ВИА «Песняры». Смерть под ВИА, изнасилование под телевизионный клип генсека Черненко. И навязчивый рефрен: «В краю магнолий плещет море!» Мысль понятна — мол, народ, живущий в нравственной и физической грязи, пичкали замешанной на оптимизме с альтруизмом кашей, внушая: «В Багдаде все спокойно». Мысль понятна, но очень уж нарочита и прилипчива, чтобы всерьез и надолго застрять в памяти.

«Фильм не отпускает», — пишут высколобые критики, и, в сущности, они правы. Но еще ближе к истине высказывание юной сестренки моего приятеля: «Посмотрела, теперь вот маньяки повсюду мерещатся».

Вот и я шел из кинотеатра, шараялся от темных подворотен и густых кустарников. Из глубин подсознания всплывали мамини предостережения, и впервые в жизни хотелось им последовать. В лифт с незнакомыми дядями не садиться. С посторонними не разговаривать. Чужим дверей не открывать.

Сергей Виноградов ■

Алексей Балабанов:

— По сравнению с Советским Союзом жизнь в Череповце особенно не изменилась. Впервые я там совсем недавно побывал, два года назад. Решил показать жене Великий Устюг — это же действительно очень красивый город. В Вологде повзрывали церкви, а там ни одной не тронули. Я и сам хотел посмотреть, давно там не был. Мы сели с детьми в машину и поехали. И когда проезжали через Череповец, я был потрясен. Город-завод. Я вроде в Свердловске родился, знаю, что такое «Уралмаш». Но Череповец с этим в сравнение не идет. Там такой отравленный воздух, такие выбросы в атмосферу, так все грустно... А еще во время съемок не раз ядовитые облака нас покрывали.

Леонид Парфенов:

— Это, конечно, самое беспросветное кино, которое я в жизни видел. Единственное, что мне мешает, — это титр: «Шла вторая половина 84-го года». Как будто, что-то принципиально изменилось! Нашего кино это вещь совершенно исключительная. Балабанов в «Грузе 200» высказался настолько поперек сегодняшнего кино и не только кино. Это безусловно, серьезнее всего того, что сейчас делается в кинематографе. Но и страшнее.